

Ученый совет! Уже давно мы не мыслим себе совет научного учреждения или высшего учебного заведения как этаким беспристрастным орудием, на котором «жрецы науки» обсуждают астрономически далекие от жизни проблемы.

Живительная атмосфера смелых творческих дерзаний, вдохновляемых идеей самоотверженного служения Родине, стала характерной для наших ученых советов. В академических залах, где заседают ученые советы, ныне звучат слова смелой критики. Здесь ценят переловую, не знающую преград научную мысль, свободно обмениваются мнениями, горячо и убежденно спорят по различным вопросам науки. «Общепринято, что никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики». Эти замечательные слова товарища И. В. Сталина положены в основу всей работы советских ученых.

Коллективная деятельность ученых — важнейшее средство дальнейшего подъема всей научной работы. От того, насколько хорошо работает Ученый совет научного учреждения или высшего учебного заведения, зависит почас не только направление исследований, но и вся деятельность того или иного института, как органически целостного научного коллектива, а не группы отдельных ученых и «автономных» лабораторий.

К сожалению, еще не везде Ученый совет является подлинным штабом научной деятельности, не всегда правильно понимается его назначение и роль. В ряде институтов ученые советы существуют формально. Так было, например, на юридическом факультете Московского государственного университета. Здесь формализм в работе Ученого совета, стремление к парадности отрицательно влияли на всю научную жизнь факультета.

Есть еще Ученые советы, деятельность которых оторвана от основной работы института. Так, Ученый совет института строительной техники Академии архитектуры СССР собирается, как правило, лишь для обсуждения диссертаций. Этот совет не обсуждает годовые планы и общие итоги работы коллектива, не занимается вопросами координации работы различных секторов и лабораторий. З в этом году пленум совета не заслушал ни одного научного доклада! Устраиваясь он и от проведения научных дискуссий по актуальным вопросам строительной науки. Между тем коллектив остро нуждается в авторитетных суждениях совета, от него ждут и компетентной оценки проводимых исследований, и направления дальнейшего развития их, и определения неотложных задач и перспектив. Некоторые отдели явственно не только не возлагают строительной практики, но, наоборот, плетутся у нее в хвосте. Крайне мало сделано, например, по обобщению опыта высотного строительства, по разработке научных основ экономики строительного дела и т. д.

Обсуждение важнейших проблем науки должно составлять главное содержание работы Ученого совета. Однако некоторые заседания советов посвящаются разбору самых различных вопросов организационного характера. Так обстояло дело в Институте машиноведения Академии наук СССР. Отставание этого института отчасти объясняется именно плохой работой Ученого совета. В последние два года Ученый совет Института машиноведения рассматривал в порядке оформления рукописей, подготовленных к изданию, и вопросы трудовой дисциплины, и принципы проведения институтских совещаний и семинаров. Даже когда здесь обсуждался вопрос о помощи великим стройкам коммунизма, речь шла в основном лишь о сроках работ по отдельным темам, о штатах, о материальном снабжении. А для

самого главного — для обсуждения научных проблем и методов их скорейшего решения «времени не хватало». Прошлой год «ориентировочный» план работы Ученого совета предусматривал немало интересных научных докладов. Весной предполагалось провести научную сессию Ученого совета, посвященную наиболее важным исследованиям — законченным и ведущимся в институте. Однако план не был выполнен. Сессия и большинство научных докладов так и не состоялось. Уклонился Ученый совет и от дискуссии по ряду назревших проблем машиноведения, от критического разбора спорных трудов соотечественников.

Некоторые руководители научных учреждений все еще полагают, что научные дискуссии уместны лишь на специальных совещаниях или в печати. Ошибочное представление! Любое заседание Ученого совета, если оно хорошо подготовлено, если члены совета заранее изучают необходимые материалы, может стать ареной живых, содержательных научных споров, обогащающих науку.

Ежегодно в нашей стране защищаются сотни диссертаций. Квалификационная работа является важной стороной деятельности Ученых советов. Однако не все советы с полной ответственностью подходят к рассмотрению диссертаций. Это относится, в частности, к Ученому совету Ленинградского педагогического института имени М. Н. Покровского. Недавно здесь присудили ученую степень кандидата наук М. С. Шпигелью за работу по истории Сербии. Как выяснилось впоследствии, автор диссертации плохо знал историю страны, его работа содержала серьезные политические ошибки и являлась во многом пересказом различных книг, некритически воспринятых источников.

Искоренить формализм, повысить научный уровень работы Ученых советов — одна из важнейших задач научной общности, в частности президиума Академии наук СССР. Следует разгрузить Ученые советы институтов от множества не свойственных им обязанностей. Ученые советы учреждений академии, например, ежегодно утверждают все предназначенные для печати книги, брошюры, монографии. Не лучше ли возложить на Ученый совет рассмотрение общего плана изданий и глубокое изучение наиболее важных, принципиальных работ? По всем же остальным рукописям можно ограничиться заключениями отделов института, специальных экспертов и рецензентов. При существующем положении, когда Ученый совет рассматривает множество рукописей, это важное дело часто превращается в пустую формальность, в штампование без изучения новых научных трудов. Такой порядок не только не приносит пользы делу, но и нарушает нормальную работу советов.

Успех работы лучших Ученых советов во многом объясняется тем, что там умеют правильно выделять главные, решающие для развития данной отрасли науки вопросы, умеют привлечь к ним внимание всего коллектива, что помогает советам активно влиять на ход последовательской и учебно-воспитательной работы. Ученый совет — это авторитетное собрание научных работников. Активное участие в деятельности совета — ответственная обязанность. И тем досаднее то, что некоторые наши ученые относятся к этой работе, как к обременительной нагрузке. Не являясь на заседания совета, уклоняясь от выступлений и обсуждения острых вопросов, также ученые тем самым отказываются в уважении своим коллегам по науке и забывают о своем прямом долге.

Активизация работы Ученых советов, повышение их роли в решении важных научных проблем, развертывание смелой, принципиальной критики и самокритики — такова задача научной общности.

## Создание Всесоюзного комитета по проведению 150-летия со дня рождения великого французского писателя В. Гюго

В Советском комитете защиты мира и Союзе писателей СССР

По решению Венской сессии Всемирного Совета Мира 26 февраля с. г. во всех странах будет отмечаться 150-летие со дня рождения великого французского писателя Виктора Гюго. Это широкое культурное мероприятие в ряду других таких же мероприятий ставит своей целью дальнейшее развитие культурных связей между народами в интересах укрепления мира во всем мире.

Советский комитет защиты мира и Союз советских писателей образовали Всесоюзный комитет по проведению в СССР 150-й годовщины со дня рождения Виктора Гюго.

В состав Всесоюзного комитета вошли:

Фадеев А. А. — генеральный секретарь ССП СССР (председатель комитета), Эрнстбург И. Г. (зам. председателя комитета), Шолохов М. А. — писатель, Симоненко Б. М. — главный редактор «Литературной газеты», Микола Базан — писатель (Украинская ССР), Смирнов Э. Я. — народный артист СССР (Латвийская ССР), Анисимов И. П. — профессор, Кайров И. А. — президент Академии педагогических наук РСФСР, Исаян А. С. — поэт (Армянская ССР), Яблочков А. А. — народная артистка СССР, Пушляков В. И. — кинорежиссер, Хорвац А. А. — народный артист СССР (Грузинская ССР), Шенкина-Куперник Т. А. — заслуженный деятель искусств РСФСР.

Вчера, 15 февраля, под председательством А. Фадеева состоялось заседание Всесоюзного комитета по проведению 150-летия со дня рождения Виктора Гюго, посвященное обсуждению мероприятий в связи с предстоящей годовщиной.

26 февраля в Колонном зале Дома советов намечается провести торжественное заседание, посвященное великому французскому писателю. На заседании в докладе «Жизнь и творчество Виктора Гюго» выступит профессор И. Анисимов. После доклада состоится выступление писателей и деятелей искусств и концерт, в котором будут исполнены отрывки из произведений Гюго и переводы его стихов.

28 февраля предполагается провести юбилейный вечер во Дворце культуры завода имени Сталина. Вечера, посвященные творчеству Виктора Гюго, будут проведены в Ленинграде, Киеве, Тбилиси, Риге, Вильнюсе и других городах.

В школах, во дворцах культуры, в крупных библиотеках состоится беседа, посвященная творчеству великого французского писателя.

Комитет заслушал сообщение директора Гослитиздата А. Котова о новых изданиях книг Виктора Гюго. Гослитиздат выпускает

# ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 21 (2894)

Суббота, 16 февраля 1952 г.

Цена 40 коп.

## ЦЕХ ГИГАНТОВ

Юр. КОРОЛЬКОВ

«Отечественным машиностроением в 1951 году создано около 500 важнейших новых типов и марок машин и механизмов, обеспечивающих дальнейший технический прогресс народного хозяйства.»

(Из Сообщения Центрального Статистического Управления при Совете Министров СССР)

Вот он цех, который называют цехом гигантов. Это гидрогенераторный цех завода «Электросила» в Ленинграде у Московской заставы. Здесь рождались машины для всех крупнейших наших электростанций, такие большие, что перед войной возникла проблема — как везти эти машины по железной дороге. Чтобы по частям перевезти, например, генератор для Шербаковской гидроэлектростанции, пришлось на пути в Волге перестроить два железнодорожных моста: детали генератора не проходили под высокими мостовыми фермами.

До сих пор шербаковский генератор остается наиболее крупным генератором в мире, уникальным по своим размерам. Но здесь же зарождалась еще больше машины для великих строек коммунизма. И самое замечательное, самое значительное здесь то, что гиганты-генераторы уже не будут уникальными по своим размерам и мощности — их будут производить серийно. Только для двух будущих волжских электростанций — под Куйбышевом и Сталинградом — потребуются около сорока могучих однотипных генераторов, каждый в сто тысяч киловатт мощности.

Почти вдвое увеличился в минувшем году производство гидрогенераторов в Советском Союзе. И велика заслуга в этом могучем техническом прогрессе коллектива завода «Электросила».

Мы с Александром Назаровичем Мизниковым — старым обмотчиком из генераторного цеха, сидим на опрок, тутом яичке и говорим о жизни. Рассказывает он о том, как перед самой войной посылать монтировать рыбинский генератор и захватить с собой малолетнего сына. Теперь сын работает в турбокорпусе ремонтным слесарем.

Так же, как о сыне, как о внуках, размахиваясь по всей стране, говорит Александр Назарович и о машинах, что пришлось ему монтировать. Двадцать пять лет в Закавказье работает генератор, который монтировал Мизников в двадцатых годах. Другим генератором будет по десять — по пятнадцать лет. Каждую машину помнит обмотчик, знает ее возраст и мощность, ее характерные черты. Он молот обмотки генераторов для нашего переноса — Волжстрой, а в горы стальных пилителей исколесил всю страну, монтируя генераторы на Свири, в Алдари, на Рюне, Днепре. Из каких только рек не пил он воды!

В нынешние дни довелось Александру Назаровичу мотать обмотку генератора для строящейся Пимлянской гидроэлектростанции. Надеется старый обмотчик, что выпадет ему счастье поработать на сталинградских и куйбышевских генераторах. Теперь уж неодолим жадность — в цехе и на заводе только и разговора о новых гигантских машинах для великих строек коммунизма.

Мимо прохлывает рослая девушка. Среди готовых стальных громадин кажется она затерявшейся девочкой-домовичкой из сказки. Она останавливается то у вала, что лежит вдоль моренных столетний дуб, развешенный со дня реки, то у старатора, взятого на части, похожие на скорлупу фантастического ореха, высотой в три человеческих роста. В руках у девушки — банка с краской и широкая кисть. Она завершает последнюю заводскую операцию — старатель выводит на лишках адреса получателей заводской продукции. Куда только не приходится направлять девушке грузы — на Волгу и в Китай, на Дон и в Польшу.

На площадке, выложенной из стальных плит, трудится над старатором для нового генератора несколько сварщиков и токарей. И так же, как раньше носили в деталям подручный инструмент, ножовки да сверла, теперь мощным крапом острожно ставится на площадке переносный станок весом в четыре тысячи двести пудов!

Накануне довелось мне присутствовать на заводском партийном собрании. Я видел в зале тех же людей, что работали сейчас в цехах. Сотни коммунистов «Электросилы», вступая в новый, 1952 год, подводили итоги, говорили о будущем. Чем-то удивительно напоминало это собрание встречу коммунистов перед большим наступлением на фронте, когда напригаете воля людей, повинаются их ответственности, и каждый участок, где находится коммунист, становится исходной позицией для броска, для движения вперед. Даже повестка дня — «О техническом прогрессе и авангардной роли коммунистов» — словно напоминала о предстоящем решающем наступлении. Да, собственно говоря, так это и было.

Советская Армия сражалась еще на подступах к Днепру, еще не отбили у врага Днепродзержинск, а конструкторы «Электросилы» начали разрабатывать технический проект машины, необходимой для возрождения Днепровской станции. Работала здесь же, в этом бюро, под свист летящих снарядов. Взрывные волны, осколки вышибали рамы и стекла, а инженеры, переждав шалет, снова склонялись над чертежными досками.

Многие цехи были далеко на востоке, и первые генераторы для Днепротреста пришлось заказывать в Америке. Однако фирма не смогла выполнить предъявленных требований. Особенно плохо был сконструирован полноточный, на который опираются врашающиеся части турбины. Три месяца налаживали американские инженеры турбину, шестнадцать два раза разбирали полноточник, но так и не могли устранить дефекты.

В содружестве с другими конструкторами Еремеев предложил другой вариант полноточника, который начал работать сразу же, без пусковой наладки. Американские детали пришлось просто выбросить. Конструкторы «Дженерал электрик компания» потерпели поражение в соревновании с советским инженером.

Теперь перед советскими конструкторами встал еще более сложная задача. Если у генератора для Пимлянской ГЭС вес ротора достигает трехсот тонн, то для генератора, скажем, Куйбышевской ГЭС он будет весить еще свыше тысячи! А общее давление на полноточник, включая соли и паров воды, врашающей турбину, достигнет астрономических цифр в двести с лишним тысяч пудов. Однако уже в пимлянской машине применены те новшества, которые будут использоваться при сооружении волжских сверхмощных генераторов.

Ломая старые технические каноны, конструкторы внесли смелые изменения в новые генераторы. Они отказались от трехсоттонной крестовины, служившей опорой полноточнику, установив его непосредственно на крышке турбины, укоротив вал ротора на три метра. В результате объем работ по изготовлению генераторов сократился процентов на 20, и при выпуске машин для Большой Волги будет сэкономлено 10—12 тысяч тонн металла (напомним, что для волжских генераторов потребуются до ста тысяч тонн металла). Кроме того, укорочение вала позволяет на три метра уменьшить высоту фундамента машинного зала. Сокращается на три метра и высота самого машинного зала, а ведь длина, к примеру, здания Куйбышевской ГЭС — 700 метров.

Дерзновенная эта идея, знаменующая размах и взлет советской технической мысли, родилась в конструкторском бюро «Электросилы» и осуществляется в цехах того же завода. Уже утверждены эскизные проекты волжских генераторов. Замечательно в этом отношении содружество строителей генераторов с учеными. Научные сотрудники шестиэтажного кафедр одного из ленинградских институтов кропотливо изучают технические проблемы создания будущих генераторов. Завод заключил около шестидесяти договоров с институтами и отдельными учеными для теоретического, научного обоснования, для консультации в организации серийного производства машин-гигантов.

В создании машин будущего в числе других принимают участие и Владимир Тихонович Касьянов, замечательный советский ученый, который вот уже восемь лет невидимо прикован к постели тяжелой болезнью. Человек необычайной жизнедеятельности, упорства, воли и трудолюбия, человек крепкого ума и горячего сердца, он ведет теоретические изыскания, издает свои научные труды, не прерывая связи с заводом, на котором проработал более двадцати лет. Все крупнейшие генераторы, созданные в последние годы, в том числе и ижевские и пимлянские, имеют схемы его обмоток. Теперь также на одна конструкция генератора, выходящая с завода, не обходится без консультации большого профессора. Профессор Касьянов разработал свою методику составления схем, неизменно сократил время и труд, потребные для расчетов. Предложенный метод позволяет заниматься расчетами схем широким кругом технических грамотных людей.

Вышедший ссыльным поселенец, переживший парскую каторгу, бывший кофетар и машинист, плававший на утлом пароходе по Витиму и Пижий Тунгуске, Владимир Тихонович Касьянов стал крупнейшим специалистом в области электротехники, лауреатом Сталинской премии. Сколько оптимизма звучит в словах профессора, когда, забывая о тяжелой болезни, говорит он о работе, об ошущении большого праздника, вызванного созданием трудом!

— Вы знаете, — говорит он, — наш труд в технике, конструкторская работа, несомненно, оказывает эмоциональное воздействие на человека. Я сам убежден в этом. Создается устойчивый духовный подъем, облагораживающий душу, выявляющий силы. И он не слабеет, не меркнет. Это как музыка, как искусство!..

В замечательное время жизни мы, когда труд свой люди сравнивают с музыкой!.. И пелает тот день, когда гамм созидательного труда зазвучат в первых оборотах волжских турбин, в пошвах на ветру проводов высокого напряжения. А на заводе «Электросила» рядом с Пимлянской машиной в Сталинградские и Казовские бригады, создающие машины будущего, техническую базу коммунизма.

ЛЕНИНГРАД

## Международные отклики

### РУКОПОЖАТИЕ ИУДЫ

12 февраля, на второй день дебатов по вопросу о создании так называемой «европейской армии», на трибуну французского Национального собрания поднялся поддерживаемый друзьями радикал-социалист Жорж Эйяр. Этот 52-летний депутат — инвалид, тяжело заболевший после пребывания в титеровском концентрационном лагере Бухенвальде.

«Я конченный человек, — сказал, обращаясь к затихшему собранию, Эйяр. — Я скоро умру, но прежде чем это произойдет, я хочу вас предупредить...не вооружайте Германию.»

«И не потерплю, чтобы мой сын служил вместе с сыновьями моих напарней, — закончил свое выступление Эйяр. Неожиданно для всех и тем более для Эйяра к нему подошел министр иностранных дел Шуман и молча пожал руку бывшему узнику Бухенвальде. Что же означало это рукопожатие министра, еще накануне столь верноподданнически (по отношению к США! — Лит.) ратовавшего с той же трибуны Национального собрания за создание «европейской армии»? Согласие с Эйяром? Отнюдь нет. Это было рукопожатие Нузы.

Протигвая с нагрянувшим нафосом руку депутату Эйяру, министр иностранных дел Франции рассчитывал вульгарно обмануть простых людей Франции. Дело в том, что план возрождения германского вермахта (под видом создания «европейской армии»), продиктованный из Вашингтона, оказалось, не так-то легко осуществить. Политика реинтегрирования Западной Германии, сменяемой в главную ударную силу агрессивного Атлантического блока, наталкивается на все возрастающее сопротивление народов.

Возрождение германского милитаризма, уже начинающего показывать зубы, приводит к смытению и те буржуазные круги Франции, которые до последнего времени являлись, что им удалось осуществить «ограниченное» вооружение Западной Германии для использования немецкого лучшего мяса «на Востоке»... Однако недавний ультиматум Аленаяра, открыто потребовавшего (от имени германских реваншистов и в одобрения вагнитонских хозяев) полного «равноправия» и непосредственного включения Западной Германии в Атлантический блок, а также объединения Германии с помощью «силы», показал, как далеко плут планы бонских империалистов.

Господа французские политиканы отделились между молотом и наковальней. Американские хозяева требуют включения западногерманских вооруженных сил в Атлантический блок по любым условиям, лишь бы скорее. Но в то-то и дело, что Шуману и К° никак не удается сосрешать «европейский» союз, призванный собрать эту империалистическую авантюру. В то же время попытка французских правителей усилить бдительность своего народа не имеет успеха.

Дебаты в Национальном собрании показывают, что реакционное большинство — от правых социалистов до легальцев — лихорадочно ищет новых путей для обмана французского общественного мнения. Неаром лидер социалистической партии Даниэль Мейер признал, что за исключением коммунистов «никто не возражает против создания европейской армии». Стронники правительства Фор вывели резолюцию, которая, по определению газеты «Се суар», является «явственным актом капитуляции перед требованиями американцев и бонских реваншистов». В связи с голосованием этой резолюции премьер-министр Загар Фор поставил перед Национальным собранием вопрос о доверии: ведь на заседании 20 февраля в Лиссабоне сессия Совета Северо-атлантического союза г-ну Шуману надо будет сделать вид, что он обременен доверием французского народа...

Г-н Шуман хорошо знает, что в Лиссабоне американские хозяева потребуют безоговорочного проведения в жизнь их планов. Как сообщает вагнитонский корреспондент английской газеты «Дейли мейл», Эйяр направил Шуману личное послание, в котором «рекомендует» предоставить Западной Германии «непосредственное право голоса при разработке политики организации Северо-атлантического союза». На что же рассчитывает г-н Шуман, пожимая руку Жюльу Эйяру? Уж не думал ли он, что ему удастся таким образом «йти за...» противника реинтегрирования Германии? Нет, этот жест Нузы, пытаясь обмануть презабывающий им французский народ, ничего не введет в заблуждение.

Французский народ не желает быть пущенным мясом Уолл-стрит. «Солдаты Франции, — заявил в Национальном собрании депутат коммунист Франсуа Байну, — никогда не будут европейскими напарниками Трумана и Аленаяра... Может быть, вам, — сказал Байну, — обратиться к правительству, — и уйдете добиться благоприятных для вас результатов голосования, но вы никогда не получите согласия французской армии, так как французская армия — это народ, французские солдаты — это сыновья рабочих и крестьян.»

ЛИТЕРАТОР

### Сообщение писателей в Тамбове

ТАМБОВ. (Наш корр.). Состоялось областное совещание местных писателей, за которым доклад о состоянии литературы области сделал Н. Вирта. Выступающие по докладу отмечали, что за последние годы в области наблюдается заметный рост литературных сил. Хотя в Тамбове и нет отделения ССП, однако вышли две книги местного альманаха, печатается третья. Выпущено несколько сборников стихов и рассказов, на сцене местного театра поставлена пьеса драматурга Д. Левятова «В Лебязь», готовится постановка пьесы Н. Архангельского «Печать доверия». В областных газетах периодически печатаются очерки, рассказы, стихи, выходят литературные странички.

Совещание отмечено и недостатками в работе с местными писателями, в частности отсутствие отделения ССП. Избраны новое бюро литературного объединения и редакция альманаха.

# ВРЕМЯ НЕ ЖДЕТ!

Л. КРУПНИКОВ

Архив Петрович Водков, директор Института земледелия Юго-Востока, извлек из своей папки листок бумаги.

«Брай без будущего» — так выразительно был озаглавлен этот очерк, опубликованный в 1901 году.

«Самым тяжелым и совершенно непреодолимым препятствием на пути будущего этого края», — писал автор, — является сама физическая природа. Безводность, частые засухи, открытая для иссушающих азиатских ветров степь ставят здесь хозяйство в чрезвычайно рискованное положение».

Говоря о Волге, автор очерка мрачно предупреждает:

«Может быть, не особенно уже далеко то время, когда и эту великую реку по немногу проглотит громадная азиатская пустыня, выжитающаяся медленными, но верными шагами».

Это писалось в те годы, когда Докучаев и другие передовые русские ученые научно обосновали возможность преобразования природы засушливых степей и начали проводить успешные опыты по лесонасаждению и орошению. Автор очерка, видимо, знал об этом, но первые успехи смелых преобразователей природы не могли рассеять его безраздельных предположений.

«Чтобы обводнить и обогатить эту громадную площадь степи», — писал он, — нужно столько времени и потребуются столько средств, которых никогда не в состоянии будет дать современное государство... Нет будущего у этого громадного степного края».

Автор очерка был прав, потому что «современным государством» он считал государство буржуазно-помещичье, капиталистическое. Ведь до сих пор в колониальных современных государствах, вроде Соединенных Штатов Америки, лихтенштейнское капиталистическое хозяйство ведется в катастрофическом оскудении почвенного плодородия, в иссушении и превращении в пустыню некогда благодатных для сельского хозяйства земель.

В нашей стране новые миллионы гектаров земли будут орошены в ближайшие пять-шесть лет. Преобразится и заводская степь, где станут собирать двухсот-трехсотпудовые урожаи пшеницы, где поднимутся мощные лесные полосы и зацветут фруктовые сады.

Пробораз этого будущего мне довелось увидеть минувшей осенью, когда я побывал в самом центре засушливого Заволжья, на Ершовском опорном пункте Института земледелия Юго-Востока.

Лучше всего прелехает сюда ночью, чтобы ершовская орошаемая земля открывалась бы не постепенно, показывая, по мере приближения, свои красоты одну за другой, а возникла бы сразу, когда вы утром выйдете из комнаты для приезжающих.

Богатый фруктовый сад и роскошный парк — питомник декоративных и лекарственных растений с двух сторон омываемые водами искусственного озера, соединяющего пятнадцать лет назад в русле пересохшей реки. Плотины задерживают паводковые воды, которые и наполняют этот водами, танующий на три километра.

Но главный участок борьбы за преобразование природы находится не здесь, в этом плодородном саду, а там, за хозяйственными постройками и молотильным током, где тянутся поля орошаемой пшеницы, где посеяна люцерна с житняком, где расположены полевые огороды.

Ершовский орошаемый участок возник

пятнадцать лет назад, и за эти годы здесь добились среднего урожая пшеницы, превышающего двести пудов с гектара. При этом речь идет не об опытных делянках в несколько квадратных метров, а о производственных полях, измеряемых десятками гектаров. Опыт показал, что чем засушливее год, тем урожай орошаемой пшеницы выше.

До недавнего времени эти замечательные результаты многим казались не имеющими широкого практического значения: куда уж тут орошать пшеницу, когда в колхозах, имеющих орошаемые участки, воды почти нехватает для огородов и технических культур!

Но с августа 1950 года, когда одно за другим были опубликованы исторические постановления правительства о великих стройках коммунизма, к этим опытам по орошению пшеницы уже было отнесено по-прежнему. Сегодня все разговоры о будущем развитии зеленого земледелия начинаются обычно с фразы: «Когда придет большая вода...»

Когда придет большая вода, на сотнях тысяч гектаров можно будет получать двухсотпудовые урожаи великолепной заводской пшеницы. Но и этого мало, потому что в условиях орошения здесь, в Заволжье, пшеница может легко дать триста и больше пудов. До сих пор это увеличение урожая достигалось за счет большей густоты посева. При этом все сорта яровой пшеницы, как правило, полегает, когда урожайность ее превышает двести пудов. А это означает, что убирать такую пшеницу нельзя ни комбайном, ни жаткой. На Ершовском опорном пункте ряд участков яровой пшеницы приходится жать серпами!

Пока орошаемая пшеница возделывается на сотне гектаров, это еще не так страшно, но что делать, когда придет большая вода?

Начальные обнадешивающие результаты получены. Второй год здесь, на орошаемой земле, возделывается пшеница, которой предстоит великое будущее, — ветвистая пшеница.

Посевы этой пшеницы раскинулись между поделанными лесными полосами, высоко взметнувшимися за короткий срок вдоль магистральных оросительных каналов.

Секрет ее неполегания — в тростникоподобном, стойком, крепком, как тростник, стебле. Недаром, когда зашла речь об уборке ветвистой пшеницы, директор Ершовского опорного пункта Григорий Васильевич Скрабин сказал:

«Сегодня мы этот участок рубили комбайном».

Опыты по возделыванию ветвистой пшеницы в условиях орошения ведутся в Заволжье всего два года. Заведующий институтской лабораторией орошаемого земледелия Павел Михайлович Фофев, руководивший этими опытами, говорит:

«После двух лет работы мы уже смело можем утверждать: ветвистая пшеница получается. Но многое еще не решено. Научные работники института, работающие в Ершове, изучают способы посева и нормы высева, режим орошения, влияние удобрений».

«Близжайшая наша задача», — говорит П. М. Фофев, — разработать для ветвистой пшеницы агротехнику, обеспечивающую получение урожая на не менее 50 центнеров с гектара».

Первые наблюдения показывают, — добавляет Григорий Васильевич Скрабин,

что для ветвистой пшеницы особенно благоприятными будут именно наши условия — обилье солнца и вода.

Но для прочного успеха нужны объединенные усилия ученых многих специальностей и передовиков колхозного производства. Когда придет большая вода, — а это будет скоро, — нужно иметь не только разработанную агротехнику и большие запасы отборного семенного зерна, — нужно обучить этой агротехнике колхозников.

Это относится не к одной ветвистой пшенице. Орошаемое земледелие — земледелие высокой агротехнической культуры. Вотой надо уметь пользоваться, чтобы добиться на орошаемых землях все возрастающего плодородия: нужно разработать режим орошения для различных культур, надо освоить возделывание сахарной свеклы, хлопчатника, риса, каночии, которые найдут широкое распространение на орошаемых землях Заволжья.

Сейчас ершовцы, подвывая итоги минувшего года, намечают планы дальнейшего наступления. Селекционеры начинают работу по выведению нового сорта пшеницы: нынешней весной проведут первый опытный посев — яровая ветвистая будет скрещена с обычной озимой для получения нового многообещающего вида — ветвистой озимой пшеницы.

Посевы яровой ветвистой пшеницы раскинуты на площади в двадцать гектаров. Весной начнутся опыты и по возделыванию в Заволжье риса и хлопчатника на орошаемой земле.

Все эти работы — только начало. Многие новых сложных проблем стоят перед учеными большая вода. Тут и разработка севооборотов, и проблемы десоразвешивания на орошаемых землях, и сложнейшая задача механизации орошения — ведь нельзя же орошать сотни тысяч гектаров посевных площадей вручную!

Все это настоятельно требует поворота внимания всех сельскохозяйственных научных учреждений на дружное совместное решение проблем орошаемого земледелия.

Сейчас этого еще нет. Ершовский опорный пункт — одно из немногих научно-производственных учреждений, занимающихся в Заволжье орошаемым земледелием, — нуждается и в дополнительном техническом оснащении и в дополнительных кадрах. Давно пора Министерству сельского хозяйства СССР помочь своему Ершовскому опорному пункту и организовать ученых на дружную коллективную работу.

Ершовский опорный пункт должен стать одним из научных центров орошаемого земледелия в Заволжье, образцовым хозяйством, где колхозники и рабочие совхозов могли бы не только наглядно увидеть перспективы орошаемого земледелия, но и научиться использовать большую воду.

Научные учреждения не смогут справиться со всеми новыми проблемами, если они не будут опираться на опыт передовых колхозов и совхозов, уже располагающих орошаемыми участками и успешно осваивающих тракторную систему земледелия на орошаемых землях.

Время не ждет. Коллективы строек коммунизма вступают в соревнование друг с другом за досрочное завершение площадей строительства.

«Мы хотим», — говорит Григорий Васильевич Скрабин, — чувствовать себя полноценными участниками великих строек. Мы обязаны своевременно встать на ноги и подготовиться к приходу большой воды».

Человек, вложивший столько творческого труда в эту землю, если увидит завтрашний день края, преобразуемого волей советского народа.

«Все у нас будет», — говорит он. — И обильный урожай пшеницы, и сады, и дубравы. Дело дойдет до масла и сахара, а о винограде и говорить нечего. Прекрасное будущее ждет Заволжскую степь. Хочется работать и работать, чтобы приблизить это будущее!»

САРАТОВ

# В ЛИТЕРАТУРНОМ ФОНДЕ

В 1859 году по инициативе группы писателей — Н. Г. Чернышевского, Н. А. Некрасова, И. С. Тургенева, А. Н. Островского, А. В. Дружинина и других создано было «Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым». Общество это неформально называлось Литературным фондом.

Средства фонда складывались из добровольных пожертвований, членских взносов, доходов от чтения публичных лекций и издательской деятельности. Но даже в период расцвета выплачиваемые в течение года беспрерывно сумм составляли лишь десять-двенадцать тысяч рублей, единоразовые пособия — девять-десять тысяч рублей и так называемые продолжительные пособия — десять-одиннадцать тысяч рублей.

На совершенно иных принципах построен Литературный фонд СССР, устав которого утвержден советским правительством в феврале 1935 года. Средства фонда составляют из обязательных отчислений, поступающих от редакций журналов, издательства и зрелищных предприятий.

Общая сумма перечисленных в распоряжение Литературного фонда средств превышает в нынешнем году 30 миллионов рублей. Средства фонда расходуются на построение санаториев, жилых домов, домов творчества, жилищных, на оказание материальной помощи писателям (в случае болезни, инвалидности и т. д.), помощи семьям писателей, погибших на фронтах войны, медицинское и бытовое обслуживание писателей и членов их семей.

Основная задача фонда — создать максимально благоприятные условия писателям для творческой работы. Только на творческую помощь писателям будет израсходовано в 1952 году несколько миллионов рублей. Значительно увеличивается ассигнования на медицинское и санаторно-курортное обслуживание.

За последние три года почти удвоилось количество писателей и членов их семей, пользующихся санаториями и домами творчества. В этом году намечено построить новые дома творчества в Переладно (Подмосковье), под Одессой (для украинских писателей), расширить дома творчества в Ялте и Ирпене (Украина). Большие суммы будут израсходованы на строительство жилых домов для писателей Москвы, Ленинграда, Минска, Тбилиси, Еревана, Казани, Кишинева.

Об этом рассказало на недавнем пленуме правления Литфонда его директор В. Сергеев. В работах пленума участвовало около семидесяти писателей, руководителей литературных фондов союзных, автономных республик и областных отделений ЦСП, директоров домов творчества и санаториев.

Пленум указал на ряд существенных недостатков в работе фонда, в частности, на случаи невнимания к творческим нуждам писателей, отсутствие планирования капитального строительства, недостаточную связь с литературными братскими республиками, местными отделениями и т. д. Участники пленума отметили также плохую работу книжных лавок, которые превратились в обычные книжные магазины и почти не занимаются комплектованием библиотек писателей, подбором для них необходимой литературы.

## ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

### «ОТКРЫТИЕ КОНОПЕЛОВКИ»

10 января 1952 г. в «Литературной газете» был напечатан фельетон «Открытие Конопеловки». В фельетоне был подвергнут критике горисполком г. Наро-Фоминска Московской области за то, что он не проявляет заботы о гражданах, живущих в поселке Конопеловка, на том основании, что домовладения этого поселка «бесхозны», не находятся ни в чьем ведении.

Обсудив фельетон, исполком Наро-Фоминского горисполкома признал критику правильной и принял решение поставить домовладения поселка Конопеловки на баланс горжилуправления, выдать квартиропольщикам в Конопеловке ордера на занимаемую ими жилплощадь и произвести нужный ремонт в домах. Поставлен также вопрос об электрификации поселка.

простор — от Балтийского моря до Тихого океана, от суровых далей Арктики до величественных вершин Памира.

В грозные дни Великой Отечественной войны, защищая свободу и независимость нашей Родины от немецко-фашистских захватчиков и японских милитаристов, так же как в мирные годы строительства и социализма, советский человек всегда имел в виду всю великую Советскую страну, за свободу, честь и славу которой он шел в бой, для которой сегодня совершает трудовые подвиги. Эти чувства, это сознание должны были найти свое отражение в нашей литературе и, конечно, наши. Но если мы внимательно проанализируем произведения национальных литератур последнего военного периода, то за редкими исключениями, увидим одно характерное явление: почти во всех книгах «театр действий» героев ограничен территорией той национальной республики или области, в которой проживает и работает сам писатель.

Естественно, что хорошо писать можно только о том, что знаешь. Лучшее всего писатель знает жизнь, быт, природу той местности, той географической и этнографической среды, в которой он сам живет и работает. Было бы, к примеру, странно, если бы латышский писатель, никогда не бывавший в Якутии, попытался изобразить жизнь якутов, или якутский писатель писал бы книги о жизни латышского народа, которую он лично не имел возможности наблюдать. Но, следуя этому стереотипному принципу, имеющему свое основание, мы в то же время нередко судимая поле деятельности героев наших произведений, ограничиваем широкое понятие «родина», воздвигаем некий национальный «забор» вокруг тех людей и той жизни, которую изображает.

Чтобы подчеркнуть общность изображаемой нами местной жизни и жизни всего советского общества, мы иногда вводим в свои произведения представителей других братских народов. А почему бы не показать представителя своего родного народа в другой советской братской республике? Пообразить его не как туриста или гостя, а как человека, принимающего активное участие во всех больших и малых делах! И уже, безусловно, должны думать об всем целом — всей советской Родине — и жить ее делами и масштабами герой писа-

С. МАРШАК

# ВСЕ ДЛЯ НЕГО...

Доброй заботой малыш окружен. Сделаться взрослым — не просто. Выполнить в срок план пятилетнего роста. В дар получил он с малых лет лучшее в мире наследство — на солнечный свет, полное право — на детство. В славное время мальчишка рожден. Будет справлять он рождение вместе с тобою, канал Волго-Дон. С вами, платины Туркмени!



## Письма в редакцию

### ПОЧЕМУ МАЛО КНИГ ОБ АВИАЦИИ?

В нашей стране велик интерес к авиации, к ее людям. Советский народ любит свою авиацию, дорожит ею, бережно растит ее. Он хочет знать больше о своем родном деле, знать о летчике, штурмане, стрелке-радисте, механике, технике, инженере, героях воздушного флота, о том, как они живут, работают, учатся, отдыхают.

Особенно большой интерес к авиации проявляют школьники, молодежь. Им хочется узнать, что такое дальний, ближний и пикирующий бомбардировщик, что такое штурмовик, как устроен реактивный самолет, о полете в вышних слоях атмосферы.

В дни парадов и авиационных праздников, на собраниях, где на трибуне появляются авиационный работник, на пионерских сборах и в других местах возникают сотни и тысячи вопросов:

— Почему, когда летят реактивные, сначала проносится самолет, а потом слышится рев мотора?

— Как может быть воздушный бой?

— Кто может быть летчиком на реактивном самолете?

Вопросов — огромное количество. Они задаются на собраниях, за столом, в многочисленных письмах. Они законны. Читатель жадно набрасывается на книгу, брошюру об авиации, как только она является в книжном магазине. Но, к сожалению, появляется их очень мало.

Мне помнятся книги А. Штененко «Так держатся!», И. Кожудуба «Служу Родине» и несколько других.

Книги А. Штененко и И. Кожудуба, несомненно, представляют большой интерес для читателя. Написанные просто и

ясно, они рассказывают о суровой эпохее, мужестве и героизме русских людей, вав смерти бывших с потерянными человеками чести немцами фашистами. Патриотизм, чистота морального облика русского человека и огромная любовь к Родине красной нитью проходят в этих произведениях.

Читатель жадно и требует изображения в художественной литературе людей нашей авиации, их героического труда. Это задача не легкая. Она потребует от литератора глубокого изучения жизненного материала, и в первую очередь изучения людей — их быта, труда, политической жизни, моральных качеств и особенностей характера летчика сталинской авиации.

Плохо обстоит дело с художественными кинофильмами об авиации. За последние годы кроме, пожалуй, хроникальных кинофильмов о воздушных парадах ничего не выпускается. А ведь так много интересных тем, которые нужны для воспитания нашей молодежи. Уж кто-кто, а наши киноработники при своих возможностях и лучшей в мире кинопотехнике могли бы создать глубоко патристический и огромного воспитательного значения кинофильм об авиационной жизни.

Нам кажется, что эти пробелы и в литературе и в кино должны быть восполнены, тем более, что все возможности для этого есть. В этом деле, несомненно, окажут большую помощь партийные организации и коллектив авиационных работников.

И. СПИРИН

Герой Советского Союза

### ЗАБЫТЫЙ ПАМЯТНИК

В связи с столетием со дня смерти Н. В. Гоголя внимание многих людей привлекают места, связанные с именем писателя. Таких мест немало, и большинство их находится в образном состоянии.

К сожалению, остается оная исторический памятник, который неслаженно выпал из поля зрения Союза советских писателей СССР и московских городских организаций. Это дом № 7/а на Суворовском (б. Никитском) бульваре в Москве. На его фасаде висит мемориальная доска: «Здесь жил и умер Николай Васильевич Гоголь. 1852».

В этом доме Н. В. Гоголь провел последние годы своей жизни, из подвала этого дома друзья писателя вынесли гроб с его прахом и проводили в последний путь.

Смотря на мемориальную доску и невольно переводя взгляд на здание старинной архитектуры. И становится горько, обидно. Знание несколько лет не ремонтировалось, у него переплывали вид. Заглянули мы внутрь здания — грязь, захляпанность.

Знание находится на территории Краснопресненского района. Местные организации могли бы давно привести его в порядок, тем более, что минувшей осенью в печати уже появлялись напоминания об этом.

Но голос общественности не был услышан.

С. МИНАЕВ

Вилис ЛАЦИС

# Заметки писателя

Когда думаешь о нашей советской литературе, возникает представление о ней, как об огромной, могучей, долинной реке, бассейном которой охватывает всю необъятную Советскую страну. Сотни и тысячи больших и малых источников вытекают в русла национальных литератур, а те, в свою очередь, впадают в общий мощный поток советской литературы.

Случается и так, что отдельный ручеек начинает переплетаться, попадает в заводь переплеточных мест.

Мудрая партия Ленина — Сталина всегда во-время замечает, где возникает угроза застоя и заблуждения, и направляет по верному пути запутавшийся ручеек. Это великое счастье и огромное преимущество советской литературы: такой помощи не получают ни одна литература в мире.

Мудрость партия, мудрость всего многонационального нашего народа помогают советскому писателю осознать, — в этом его сила. Стоит только писателю оторваться от народа, от живой действительности, — и он уже во тьмю. И советский писатель понимает это, он сознает свой долг перед народом и стремится идти в ногу с народом. Задача эта не легкая и ответственная, потому что мы живем и работаем в обществе, которое бурными темпами движется вперед, в коммунизм, которое быстро и влочно строит совершенно новую жизнь, не имея для этого никаких образцов в прошлом. Руководимый гением Сталина, вооруженный величайшей наукой марксизма-ленинизма, советское общество всегда на правильном пути, оно с уверенностью делает свое великое историческое дело — творит, строит и создает, и, творя новое, само растет, преобразуется, становится все более совершенным, ясным, чем было вчера.

Успевая за этими преобразованиями, за этим ростом, и не только успевая, но своим писательским гением действительно помо-

гать советскому обществу осознать, познать, трудно, но в то же время необходимо. Случается, что мы, советские писатели, иногда отстаем, а иногда, делая последние вылазки в целях разведки трассы завтрашнего дня, сбаваем с курса. И то и другое нехорошо, но первое, на мой взгляд, хуже, чем второе. Настает в хвосте событий, конечно, спокойнее, но настоящей помощи народу от этого меньше, чем в тех случаях, когда писатель в сегодняшнем творческом труде народа приобретает и свой творческий труд, показывая то, что мы делаем все вместе сегодня и что собираемся делать завтра.

Советский народ любит свою литературу, он жлет от нее ответа на волнующие его вопросы не через пять или десять лет, а тут же, когда тот или другой вопрос возникает в стремительном потоке нашей богатой жизни. Если писатель молчит в такое время, это значит, что он не выполняет своего долга, пренебрегает интересами народа.

Мне хочется поговорить о некоторых вопросах нашей литературной практики.

Во-первых — о теме дружбы народов. Одним из основных факторов, сделавших наше многонациональное Советское государство таким могучим, монолитным, несокрушимым, является сталинская дружба всех народов, населяющих нашу страну. Все народы нашей страны являются равными, все наше советское общество воспитано в духе взаимного уважения всех наций. Игнорирование этого принципа у нас является законом. Совершенно немыслимо, чтобы в советской литературе могли бы иметь место проявления шовинизма, национального высокомерия, расизма и т. п. Тема дружбы народов давно уже стала одной из самых важных, неотъемлемых и благородных тем в произведениях советских писателей.

В книгах писателей любой национальности действуют представители разных

народов СССР, и это правильно, жизненно правильно, потому что в нашей действительности так оно и есть. В любой братской советской республике проживают и вместе с коренным населением

реpublicанцы работают и строят новую жизнь представители других народов. Изображая жизнь своей республики, писатель любой национальной литературы не может обойти молчанием это обстоятельство. Нельзя найти ни одного более или менее значительного произведения художественной литературы — романа, повести, пьесы, поэмы, где не было бы уделено место теме дружбы народов. Но если писатель только «отдает дань» теме, формально уделяет внимание ей, изображение дружбы народов получается бледным, декларативным, штампованным.

Бывает, что писатель, разрабатывая эту тему, изображает представителя другого народа с позиций господствующего хозяина, любезничающего с гостем. Он говорит ему (и о нем) один комплимент за другим, рисует его в столь розовых тонах, что живо человеческое лицо разглядеть уже невозможно. Нет спора: с гостями надо быть вежливым. Но если, скажем, латышский писатель вывел в своем произведении в качестве действующего лица русского или украинца, грузина или казаха, то он должен понять: это не гость, а член нашей большой семьи, родной человек, с которым мы вместе живем, трудимся, боремся и социализм. Если нужно, можно с ним и спорить, и покривлять его, а если сам заслужил, то и выступать неприятную правду от него. Из обмена же стандартными вежливостями ничего не получается, кроме стандартных литературных образов, бледно-розовых штампов.

Тесно связано с этой темой в литературе народов СССР и непосредственно из нее вырастает понятие о Родине. Казалось бы, что это понятие лично советскому человеку и, в частности, каждому советскому писателю совершенно ясно, оно не может быть по-разному истолковано. Да, верно: каждый советский человек сознает, что он является гражданином великого Советского Союза и что его Родиной является весь необъятный

# Об охоте, природе и людях

Охота... В самом этом слове заключен поэтический образ большой силы. Мы видим в нем видение, пережитое или выдуманное в любовных китах, и перед нами восторг весеннего утра в соловьином бору, чудесная песня токующего глухаря, переклик журавлей на оттаявшем болоте, а над просторами лесов и полей — тупищеская на север стая уток, гусей, лебедей.

Встречаясь в книге с волнующими сердце картинами природы, можно быть уверенным, что картины эти написаны тем, кто любит побродить с ружьем или посылать на берегу реки с удочкой. Достаточно вспомнить Льва Толстого, Тургенева, Некрасова, Аксакова, а из наших современников — М. Шолохова, М. Пришвина и других.

В наших издательствах и журналах еще многие смотрят на охоту, как на забаву. Неверный взгляд! Охота — древнейший спорт народов нашей страны. Мало того. В Советском Союзе — сотни тысяч промысловиков, для которых добыча зверя и птицы — повседневный напряженный труд. Между тем произведения, посвященные этой стороне жизни, у нас появляются мало. Вот почему с особым интересом берешь в руки недавно вышедшую книгу Ивана Арамилева «Рассказы охотника». В сборнике около восьмидесяти рассказов. Все они посвящены пропаганде охотничьего спорта, овеяны поэзией русской природы. Широко географический охват книги. Действие разворачивается на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке, в степях Украины, Казахстана, Киргизии, на Севере, на Волге, в центральных областях страны. Кредитованы многие виды охоты — от стрельбы по баскам до схватки человека с тигром.

Но автор не только воспевает природу и охоту. На охотничьем материале он ставит разнообразные темы — воспитание воли и характера, дружба, новое отношение к труду. Горчим чувством «советского патриотизма» проникнуты его рассказы «Лыжи», «Удочка» и другие. Рассказы «В горах», «Снайпер» посвящены подвигам советских охотников в годы Отечественной войны. Автор хорошо показывает, как охотничьи навыки помогают человеку стать отличным разведчиком, снайпером, артиллеристом, высланным и бесстрашным солдатом. Героя «Рассказов охотника» — мужественные, духовно богатые, обязательные люди.

Творческая удача автора — рассказ «На отдыхе», где дан образ В. И. Ленина. Великий вождь показан в день отдыха на охоте. Мы видим радостно возбужденного Ильича, шагающего по росистой траве. Он плывет на лодке, стреляет уток и глухарей, отдыхает у костра, — простой, обыкновенный человек. Но в этой простоте чувствуется Ленин — величайший из людей нашего времени. Вот он беседует с егерем Иваном Альберовым о земле, о лесоводстве. Но революция, сопровождавшая начальство, Альберов привык хитрить, изворачиваться, быть себе на уме. А теперь он «почувствовал», что с Лениным нельзя быть неискренним, невозможно говорить неправду.

Иван Арамилев умеет вкладывать в малую форму большое и весомое содержание. Во

И. Арамилев, «Рассказы охотника», «Советский писатель», 1951 г., стр. 425.

## „Ласточки возвращаются“

РИГА. (Наш корр.). Латгосиздат выпустил новую книгу народного поэта Латвийской ССР Я. Судрабала «Ласточки возвращаются». Это — стихотворения в прозе. В книге собраны произведения о товарище Сталине, столице нашей Родины Москве, о дружбе советских народов, поэтические миниатюры — «Я вижу белую», «Тамара Хаяма», «Самед», «Вургу», «Голубь мира», «Самая счастливая страна» и другие.

и людей. Но некоторые наши критики и рецензенты своими советами толкают писателя на неверный путь: почему-то не признавая возможность целостного, морально безупречного и в своих действиях умного и безукоризненного литературного героя в наши дни, они объясняют иногда такие образы нежизненными, неправдоподобными и одноцветными. Что же делают некоторые писатели, чтобы сделать своего положительного героя «жизненным» в глазах таких критиков? Они наезжают его — иногда в большей, иногда в меньшей мере — какой-либо отрицательной чертой; он или любит выпить, или женолюб, или грубоват в обращении, или у него какают другая слабость, смешная или уродливая черта. Словом, целеном образом придается известная порция отсталости, порока... как будто от этого он станет более колоритным, полнокровным и правдоподобным! Но это же совсем простой трюк, грубый и недостойный советского писателя, так как такое частичное опорожнение положительного литературного образа является не чем иным, как жертвой отсталых вкусов и представлений.

Мы изображаем отрицательные образы в своих произведениях для того, чтобы показать их реакционную сущность, их тормозящую роль в борьбе нового со старым, и для того, чтобы помочь советскому обществу, в первую очередь молодому поколению, осознать: каким не должен быть настоящий советский человек. Мы тогда изображаем положительные образы в своих произведениях для того, чтобы показать советскому обществу, в первую очередь молодому поколению, каким должен быть настоящий человек нашей эпохи. Писатель имеет право и обязан показать путь становления такого настоящего человека, трудности поста, его борьбу со старым и отсталым, но писатель также имеет право и обязан дать образы этого настоящего, цельного человека. Разве пещерный, без трещин образ хуже потрескавшегося?

Еще один вопрос хотелось бы поставить — о публицистичности. В критическом статьях и рецензиях нередко можно встретить такие выражения, как: «стиль произведения в отдельных местах страдает публицистичностью», «варвару со

«Внуках» речь идет о передаче трудового опыта старших детям и внукам. А новелла — пошлоры страннички! И это по схеме, плавно доносимая до читателя в образах и удачно найденных деталях.

В лучших рассказах Арамилева чист и точен язык описаний, законны диалоги, народная речь своеобразна и не засорена областными словечками.

В одном из рассказов читаем: «Кончилось приморское лето с его дождями и туманами, наступила чудесная, сухая осень... Клены и дубы начинали желтеть. Зори были красны, а днем небо голубело и сверкало. У изоборов начались свадьбы: рожая трубили с утра до вечера, рев не умолкал в золотом осеннем лесу. И от этого все крупом сказочно преобразилось: осень напоминала весну с глухаринными токами, разливом полой воды. В такие дни меня охватывает странное беспокойство: не могу сидеть дома и заниматься обычными делами! Кажется, в природе наступил праздник для званных и незванных, и на этот праздник грешно опоздать. Я беру на ремешок «франкфотт» и отправляюсь в тайгу».

Здесь — и в десятках других рассказов И. Арамилева — пейзаж выступает в своей активной функции, он слит с содержанием рассказа, определяет настроение и поведение героя.

Однако не все удачно в «Рассказах охотника». Вот удалец Ванлага («Путешествие на Кульдур») говорит: «Амба по-прежнему так избора обманя. Изобра, когда ланку или нало, совсем дурной делается. Он тогда поймай вету, дакой люди кричи тайга». Мы настаиваем: знакомая интонация! Перед нами возникает другой, более сильный образ — арсеневский герой Уада. Конечно, в образе Ванлага есть новые черты советского охотника-следопыта, но многое в этом герое все-таки сияет отраженным светом. Автор не смог придать образу удайца оригинальности.

И. Арамилев нередко пользуется приемом одухотворения природы. У него «говорят» соболя, птицы, зверя и даже деревья. Прием законный. Он идет от фольклора, от басенного жанра. Этим приемом у И. Арамилева «срабатывают» очень удачные по форме рассказы — «Десная битва», «Агашка», «Птичий язык» и другие. В них есть тонкая ирония, есть лукавая авторская улыбка, не позволяющая принимать все безоглядно. Прием, подчеркивающий условность приема. Но автор следует предупредить: прием, повторенный в десятке рассказов, становится штампом.

Есть в книге просто легковесные вещи: «Последний взлет», «Чернобурая», «Терешка». Что — пока это, легкие значительной мысли, глубины обобщения. Кое-где мелькают неточности, ошибки. В рассказе «Бередей!» баруки разгуливают днем по лесу. Это неверно! Баруки — ночное животное и при дневном свете по-казываются крайне редко. В книге многократн упоминается разрывная пуля «жакан». Пропанцировать «жакан» не стоит. Эта пуля ненадежна, и опытные охотники при стрельбе крупного зверя ныне предпочитают обыкновенную пулю.

И охотники и люди, не занимающиеся охотой, с интересом прочитают тонкие и поэтические «Рассказы охотника».



## Спектакль о пламенном большевике

В московском Театре драмы идет пьеса С. Маршак «Путь в будущее». В центре спектакля — образ пламенного большевика Григория Константиновича Орджоникидзе.

«Гражданская война на фронте. В глухом углу Донбасса, на маленькой полуразрушенной станции, откуда лишь недавно ушли белые, временно расположился боевой штаб. Серго Орджоникидзе руководит наступающими частями Красной Армии. Связавшись с освобожденным городом по телефону, Серго проверяет, открыты ли там школы, работают ли пекарни, дали ли свет в больницы?»

В свободную минуту Серго завывает беседу с деревенским паренком — Ваней Кузнецовым. Тот выкладывает Серго свои немудрые планы: земля теперь есть, все получилось так, как обещал Ленин, нужно бы только своего козла, и тогда жизнь устроится! Но Серго вдохновенно говорит Ване о том времени, когда уже не понадобятся крестьянин и свой конь, ни своя маленькая межа. Серго говорит о ленском плане великих строек, о стальном козле — тракторе — о преобразовании жизни. Незверчиво слушает Кузнецов. Не сказка ли это? Проходят годы. Сказка становится былью.

Народный комиссар тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе — в Москве, в своем рабочем кабинете. В беседе с парткомом шахты, старым товарищем по армии, Серго спрашивает о Ване Кузнецове. Нет, тот не вернулся в деревню, он стал коногонем, он знает: скоро в промышленности придут новые люди, строители будущего. «...они поднимаются во весь человеческий рост».

«Тридцатье годы... Народный комиссар проезжает по тем местам, где когда-то, во время гражданской войны, шли жаркие бои. Сейчас здесь не найти следов разрухи: давно превайдон довоенный уровень промышленности. Небольшая дощечка станция. Короткая остроконечная пьезда на полчаса, включен телефон, и вагон Серго становится штабом, откуда исходят распоряжения, мобилизующие творческую активность людей для созидательного труда».

Зритель слушает телефонные разговоры Серго и перед ним вырисовывается облик советского наркома — молчаливый командир производства. «Наша первая наука — партия», — говорит им Серго. — В этой первой науке заключено то, без чего бы мы не могли переделать жизнь на земле».

Появились люди, о которых мечтал Серго в дни бои.

Забойщик Иван Кузнецов вносит предложение так организовать труд шахтеров, чтобы во много раз повысить производительность отбойного молотка: для этого надо иначе расставить силы, не бояться того нового, что неодолимо входит в жизнь. И вот предложение реализовано: за смену Кузнецов добился необычайной выработки. Когда он выходит из шахты, его встречают друзья-шахтеры, его приветствует и Серго. Заключительные слова наркома, просты и торжественны, обращены к товарищам Сталину, к советским людям, устремленным в будущее: «И сегодня, когда с низов поднялось новое великое движение стахановцев, это движение, возглавляемое товарищем Сталиным, пойдет семимильными шагами вперед. Далеко пробивает дорогу отбойный молоток Стаханова, твой молоток, Иван Петрович, ваши молотки, друзья! В градущее, в коммунизм! Сколько чудесных людей выросло и сколько еще поднимется. Сильные, смелые люди».

Образ Серго Орджоникидзе глубоко и талантливо воспроизводит артист Е. Самойлов. Артист сумел воссоздать на сцене характер крупного деятеля большевистской партии, в котором пламенная энергия и настойчивость, талант выдающегося организатора и руководителя масс сочетались с изумительными качествами сердечности и товарищеской простоты в отношениях к людям.

Завтра, в канун 15-летия со дня смерти замечательного большевика, пламенного борца за коммунизм, московские зрители посмотрят еще раз этот яркий, реалистический спектакль.

Т. ЯЗЫКОВА

На снимке: артист Е. Самойлов в роли Серго Орджоникидзе. (Спектакль московского театра драмы «Путь в будущее»)

## Культурная жизнь Саратова

САРАТОВ. (Наш корр.). Строгий ансамбль зданий университета имени Н. Г. Чернышевского, возвышающийся над новым корпусом, строительство которых в разгаре. Один из корпусов предназначен для биологического факультета; строители отделивают здесь большую аудиторию, демонстрационные и лекционные залы, лаборатория, помещения для хранения гербария. Второй корпус строится для научной библиотеки, которая в советские годы стала крупным хранилищем книг, — в ней около полутора миллионов томов.

Этой цифрой саратовцы законно гордятся; мало таких библиотек даже в столицах иных стран. Но сегодня в городе на зывают уже другую либру — два с половиной миллиона томов! Такое количество книг будет в хранилищах нового здания библиотеки.

Эти две новостройки ярко отражают рост Саратова, ставшего сегодня крупным культурным центром.

Остановимся перед витриной книжного магазина и взглянем, что «сделано в Саратове» за последний год. Вот три книжки местного литературного альманаха, рядом выставлен сборник рассказов Г. Боровикова, далее сказки А. Матвеева и сказки В. Богатырева, первая книжка стихов В. Звягинца. Привлекает внимание сборник «Дело нести» — очерки саратовских писателей о своих знаменитых земляках, среди которых три лауреата Сталинской премии: обихайчик вражеских пещер цементного завода Д. Чернов, главный геолог треста «Саратовнефтьобединение» И. Енгуразов и народный артист РСФСР С. Муратов.

В нынешнем году к этим книжкам прибавится и несколько научных трудов, написанных колхозниками-опытниками. Они издаются Институтом земледелия Юго-Востока СССР — одного из наиболее интересных научных учреждений Саратова. В лабораториях института в эти зимние дни очень оживленно: съезжаются опытные, среди которых можно увидеть агрономов-мелиораторов, председателей колхозов, биологов, секретарей колхозных партийных организаций, студентов.

«Выставки. Объявления, приглашающие саратовцев на выставки, эти общественные просмотры работ стихановцев, деятелей науки, искусства, расклевывая повсюду. Городские библиотеки открыли за последние дни длительные выставки, посвященные Н. В. Гоголю. Многолюдно было на выставке картин лауреата Сталинской премии Н. Жукова, который, пещав в Саратов, выступил здесь перед любителями живописи. Много народа и в залах Государственного художественного музея имени Радищева, где имеются две выставки — произведений живописи и скульптуры, посвященные образу В. И. Ленина, и работ саратовских художников. Этот список можно было бы дополнить и выставками продукции местной и легкой промышленности, подлинников и ряда других залов, которые долго привлекали внимание саратовцев: их лучшие экспонаты переданы в областную краеведческий музей».

Театральные постановки. Богатая программа клубной самодеятельности, читательские конференции, лекция (особенно популярная лекция, организуемые в местном планетарии). — повсюду можно видеть эту многогранную культурную жизнь сегодняшнего Саратова.

В. ШЕЛЮГИН

# Поэма, разоблачающая хана Кенесары

В течение ряда лет некоторые казахские историки освещали феодально-монархическое движение душилеха казахского народа Кенесары Касымова с буржуазно-националистических позиций. В ряде работ, в первую очередь в «Трудах» ныне разоблаченного буржуазного националиста Бекмаханова, с националистических позиций толковалось присоединение Казахстана к России, умалчивалось прогрессивное значение этого важнейшего события в жизни казахского народа.

Подобные националистические извращения имели место также в произведениях некоторых казахских поэтов и писателей, в работах отдельных литературоведов и критиков, которые пытались скрыть от народа правдивые высказывания народных акынов о хане Кенесары. В то же время они пропагандировали произведения придворных акынов Досжики и Нысанбае, воспевавших, как героические подвиги, кровавые походы Кенесары против соседних народов и падеги его брата — Наурызбая на беззащитные казахские племена.

Но казахский народ, испытавший на своих плечах всю тяжесть ханского произвола, по-своему оценил антинародное движение хана-грабителя К. Касымова. Казахский народ и его передовые представители создали ряд поэтических произведений, разоблачающих Кенесары.

К числу таких произведений относится народная поэма «Кашпайым», созданная неизвестным автором во второй половине минувшего века. Она повествует о вассатстве брата Кенесары — Наурызбая с сорочка коноврадами на мирный род Таукабака.

Несмотря на то, что казахские буржуазные националисты исключили поэму «Кашпайым» из учебников по литературе для казахских школ и вычеркнули ее из истории казахской литературы, она пользуется широкой известностью в народе.

Представитель казахской революционной демократической интеллигенции М. Сералин в своей поэме «Топ жарган», опубликованной еще в 1907 году, также разоблачал грабительские походы и разбойничьи набеги Кенесары и его приспешников. В течение многих лет поклонники хана Кенесары скрывали от народа поэму М. Сералина.

Знаменитый Кенесары старался скрыть от народа даже высказывания о нем певца джугбы народов — Джамбула. В эпилоге своей поэмы «Клим-батыр» он писал:

«...Был врагом народа ярым  
Демон смерти Кенесары.  
Он душил народ, терзал,  
Сел слезы, кровь, пожары...»

Целью кусок поэмы, где Джамбул, разоблачая реакционное движение Кенесары Касымова, говорил о глубоких исторических корнях дружбы советских народов, не появился в печати, хотя он был в казахском оригинале, был в подстрочнике и даже в русском переводе.

Только после статьи «Правды» «За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана» произведения, разоблачающие хана-грабителя К. Касымова, стали достоянием казахских читателей.

Поэма народного акына Казахстана Наурызбая Ахметбекова «Истребление есаулов» была закончена автором еще в 1932 году, в 1936 году поэт обратился в Казахстанский филиал Академии наук СССР с просьбой опубликовать поэму в республиканской печати. Но поклонники Кенесары Касымова, которые в то время находились в ряде научных учреждений республики, отрывая поэму в академический архив. В 1939 году Н. Ахметбеков внес некоторые поправки в первоначальный вариант. Однако поэма снова была отослана в академический архив. И только после появления статьи «Правды» автор получил возможность опубликовать поэму в журнале «Экземпляр жана искусство». Таким образом поэма «Истребление есаулов» увидела свет через двадцать лет после ее создания.

Она обратила на себя внимание казахских читателей и получила республиканскую премию, как одно из лучших произведений казахской советской поэзии, опубликованных в 1951 году.

«Истребление есаулов» поэт превратил во изгнании из степей Сары-Арты хана-грабителя Кенесары, на материале исторического прошлого разоблачает жизнь великого рода идеализации феодально-монархического движения Касымова. Н. Ахметбеков убедительно показывает, насколько хан Кенесары был чужд и ненавидим казахскому трудовому народу:

От хана отвернулся весь народ,  
Проклял его стар и млад...  
Н. Ахметбеков показывает в своей поэ-

ме жестокий произвол хана-грабителя, вокруг которого собирались коноврады, торговцы рабами, разбойники, отвергнутые народом. Перед глазами читателя проходили образы людей, продавших душу и совесть ради того, чтобы увеличить свое богатство за счет ограбления народа.

Н. Ахметбеков создал реалистические образы хана-разбойника К. Касымова и его брата и приспешника Наурызбая. Кенесары изображен как тиран, стремившийся любой ценой укрепить ханскую власть и господство ацких феодалов.

Кенесары Касымов обложил народ непосильными налогами. В полном соответствии с исторической правдой Н. Ахметбеков показывает, что сборы налогов сплошь и рядом сопровождались набегами ханских есаулов на мирные аулы.

В первой части поэмы автор повествует о том, как замученные вабегами, возглавляемые жигитом Алтыбаем бедные роды собираются дать отпор хану-грабителю. На сборище родоных старейшин Алтыбай вострог отказывается платить хану налог. Вслед за Алтыбаем все жатаки отказываются от уплаты податей. Разъяренный Кенесары отправляет своих есаулов во главе с Наурызбаем в аул Алтыбая. Под прикрытием ночи есаулы внезапно нападают на мирный аул жатаков.

С большой силой изображается трагическая картина истребления жатаков.

Наурызбай истребил в ребенка  
И одной рукою подлил ее вверх.  
По древку пики визг потекла  
Невинная кровь малютки.

В конце первой части автор описывает чудовищную расправу над Алтыбаем, убитую Кенесары и Наурызбаем.

Казнь сожженного на костре Алтыбая, верного сына народа и защитника казахской бедноты, показала народ против хана. Гнев и возмущение народа были так велики, что Кенесары, считавший себя властелином всей казахской земли, был вынужден бежать из Сары-Арты.

В поэме П. Ахметбекова показывается, что Кенесары Касымов был злым врагом не только казахского, но и русского народа. Поэт рассказывает, как Кенесары вступил в союз с кокандским ханом, чтобы бороться с Россией.

Во второй части поэмы Н. Ахметбеков изображает, как Кенесары, дитавшийся ханской власти и тщетно влезавший за помощью кокандского хана для восстановления своего господства над казахским народом, становится по сути дела главарем разбойников-барытчатей, занимавшихся ограблением белых родов.

В этой части поэмы описывается набег подручного Кенесары Наурызбая с его есаулами на род Жылыбай, совершенный в тот момент, когда жатаги этого рода находились в отлучке. Гитрумомый жатак Карга уговаривает Наурызбая и его коноврадов, чтобы они оставались на несколько дней в его бедном ауле. Разбойники беспечно паруют и веселятся. Тем временем возвращаются из дальнего путешествия жигиты рода. Во главе с Жапгабылом, при помощи находившегося Карга, они истребляют всех есаулов. Спасается один Наурызбай.

Истребление есаулов, являющееся сюжетной развязкой поэмы, трактуется поэтом как возмездие народа, стражающего от разбойничьих поборов хана-тирана, как месть за Алтыбая, отдавшего жертвой националистический кровопийца. Поэма завершается торжеством народа над жестоким врагом Кенесары Касымова.

Лык поэмы прост и выразителен. В поэме много лаконичных и метких характеристик. В ней нет абстрактной метафористики, многословных рассуждений и растяннутого пересказа событий, которыми в поэмах акынов-импровизаторов нередко подменяется образный показ. Поэт сумел отобразить реальную сущность движения К. Касымова в конкретных исторических условиях эпохи.

К. СУРМАХАНОВ

## В ТВОРЧЕСКИХ СЕКЦИЯХ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ

### У ДЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

В Союзе советских писателей начались отчетно-выборные собрания творческих секций. Одной из первых собралась секция детских писателей.

### У ДРАМАТУРГОВ

На отчетно-выборном собрании секции московских драматургов доклад о работе бюро секции и о творческих задачах драматургии сделал И. Попов.

### У ПЕРЕВОДЧИКОВ

Состоялось отчетно-выборное собрание в секции переводчиков литературы народов СССР. Выступавшие в прениях по докладу председателя бюро секции П. Антокольского отметили, что за последнее время секция несколько оживилась.

### ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 21 16 февраля 1952 г. 3

